

ФЕДОР СОЛОГУБ. «ДАР МУДРЫХ ПЧЕЛ»

Трагедия в пяти действиях («Золотое руно»)

Мертвенным совершенством веет от трагедии Сологуба. Законченность, тяжелое богатство и значительность речи приводят на память золотые лепестки погребальных венцов и золотые маски, найденные на таинственных трупах в гробницах микенских, золото — хранящее в себе едкую память о судьбе Атридов. Золото подобает мертвым.¹

И кажется, что поэт говорит пришлецу, зачарованному зрелищем богатств, раскрытых пред ним:

«Милый гость, познай истину, одну из многих, открываемых за завесами восторга силою, обличающей противоречие мира, — Иронией, — познай эту истину: мертвое вино и мертвые яства на моем столе».

Его речи как цветы на берегах Леты: цветы вечные, не рождающие, и мертвый аромат их — вечное забвение.

Кому, как не Сологубу, знать тайны области невозвратного, тайны царства Аидова, скрытого тремя стенами, тремя черными завесами мрака?

Печальные места, лишённые ясного неба и светлой дали. Там все туманно и мглисто, все кажется плоским и неподвижным, точно является тенью на экране. Там воды Леты шумят:

«Забвение, забвение, в наших волнах пейте вечное забвение. Сладчайшие имена тонут в моих шумных волнах; сладчайшее забудется или вожденнейший погрузится образ в забвение, забвение, вечное забвение».

Но мудрая змея говорит: «Нет забвения».

В эту область, «озаренную безрадостными созвездиями неподвижных молний, рождаемых вечным трением янтарных смол», нисходят скорбные тени героев, погибших «за бедный призрак красоты, за изменчивую земную личину небесной очаровательницы».

Весь туманный и еле зримый сидит на престоле Аид, и рядом с ним тоскует на троне Персефона весеннею скорбью земли («Или и вечность не истощает ваших мирообъемлющих печалей, бессмертные боги»).

Далекий вопль Прометея грозит богам светлого Олимпа:

«Расторгну оковы, и ты погибнешь, неправедный».

А змея говорит: «Боги трепещут, но смеются».

Персефона тоскует по золотым стрелам солнца, по золотом мече жизни:

«Все к нам приходят, как домой приходят все. Приходят все неволею».

Эхо повторяет: «неволею». . . но тихий шелест камышей, как отзвук эхо, говорит: «волею». . .

Темной иронией, «обличающей противоречия мира», звучат эти чередующиеся речи. Двусмысленные и вещие слова слышатся в ответ на вопли Персефоны.

«Только мертвые приходят к нам». . .

— Придет и *Он*, — говорит змея.

«От нас никто не найдет дороги». . .

— Восстанет . . . воскреснет . . . шелестят камыши.

Нет забвения Лику. Нет забвения любви. Любовь нарушит законы смерти, смертью смерть победит. Текучие образы жизни, расплывающиеся в смертной мгле, не исчезают. Преходящий и тающий лик жизни вечен в любви

«Вздыхая о златокудром метателе стрел и его золотых, светлую мудростью напоенных пчелах, ты, великая царица, забыла тающий от огня дар мудрых пчел — воск. Как воск, тают личины, Персефона, видишь ли ты Лик?», — говорит весенней владычице подземного царства Протесилай, погибший у Трои первым из героев ахейских. В сердце его лик Лаодамии, которому нет забвения.

Лаодамия на земле тоскует по убитом. Тогда Афродита, приняв образ ее рабыни Ниссы, приказывает юноше Лисиппу отдать Лаодамии искусно им вылепленное восковое изображение Протесилая и, сбрасывая с себя личину старой служанки, говорит ему:

«Я любовь. Я роковая. Я Афродита-Мойра. Безрадостно и пустынно томился древний Хаос, и не было ничего в мире явлений, и вечные тосковали матери в довременной своей могиле, скованные ледяным сном. Но в холодном сердце Хаоса, которому дают мудрецы имя Логоса, возникла Я. И умирая, умер бессильный, истлела безумно искаженная личина, и проснулись вечные, и зажглись неисчислимы молнии изволений и устремлений. И все, что было в творчестве божеском и человеческом, все из моего возникло святого лона, все мною рождено, все во мне только дышит. все устремляется мною и ко мне. Только я! Люби меня, милый юноша, в каждом земном прельщении открывай мои черты, в каждом очаровании сладостной жизни узнавай мой зов. Люби меня!»

В образе пчелиных сот скрыт прообраз жизни: восковые личины преходящих форм исполнены вещим медом духа.

Символ этот был близок мистическому духу Греции. Порфирий в своем трактате «Пещера нимф», представляющем мистический комментарий к нескольким строкам «Одиссеи», описывающим грот нимф на Итаке, дает такие толкования символу меда.

Геологи пользовались медом для разнообразных символов, так как мед сочетает в себе разные силы. Он очищает и сохраняет. Посвящаемым в Леонтинские мистерии льют на руки не воду, а мед, внушая им при этом хранить свои руки чистыми от всякого преступления и бесстыдства.

Мед предпочтен воде, так как вода враждебна огню. Мед очищает язык от лжи. Мед вызывает опьянение страстью, в нем скрыта тайна объятий и зарождений. Луна в тех фазах, когда она покровительствует зачатиям, называется пчелой.

Возлияния подземным богам производятся медом. Отсюда противоположение меда как символа смерти и желчи как символа жизни (страсть несет смерть душе, а горечь призывает ее к жизни). Наконец, те души, что готовятся к воплощению, называются пчелами.

Воск — хранилище меда, является символом пластической материи, из которой строится физическое тело. Поэтому в античной и средневеко-

вой магии так называемые «порчи» — *envoutements* производились при посредстве воскового изображения того лица, против которого было обращено заклинание. Логика черной магии учила воздействовать на дух посредством того лика, в который он заключен. Форма являлась путем к сущности. Воск считался наиболее подходящим материалом для изготовления этого подобия лика. И то, что совершалось над восковым изображением, испытывал тот, чей лик был похищен, в своем физическом теле.

Поэтому, вручая Лаодамии восковое изображение Протесилая, Афродита говорит:

«Для всех воск, а для тебя утешительный дар. — Твой Протесилай. Долгие ночи он будет твой и насладишься ласками и негой. И с воском в блаженном восторге забвения истает твое тело. Мирами владеющая, первая из верховных Мойр, тебя, Лаодамия, обрекла я на великий восторг любви, побеждающий смерть. Сожгу тебя, сожгу в блаженном пламени восторга и любви. И непорочная Психея придет в объятия небесного жениха».

— В мире мертвых, в царстве Аида — Протесилай, — говорит Лаодамия.

«В царстве Аида только тень Протесилая, — а он, светлокудрый, правит путь в небесах».

Трагедия продолжает развиваться одновременно на земле — в царстве ликов, и в подземном мире — царстве теней. Лаодамия тоскует над восковой статуей. Подруги ее устраивают около нее ночное радение — очистительные обряды. Сад наполнен плачущими женами. Их неистовые движения разрывают ткани одежды. Мелькают все чаще обнаженные тела. Объятия и поцелуи перемежаются с ударами ветвей, которыми они хлещут друг друга в нарастающем экстазе.

Свирельные вопли Лаодамии, сопровождаемые далекими отзвуками флейты и кимвал, доносятся сверху в царство Аида и с непреодолимою властью призывают Протесилая. Слышны заклинания Лаодамии:

«Заклинаю воском — даром мудрых пчел — вас, невидимые боги, дайте мне Протесилая моего. Один час — приветить. второй час — насладиться, третий час — расстаться: только три часа. О, Персефона, ты помнишь златокудрого бога, ты знаешь, чья сила в тающем воске! Я смешаю вино и мед в глубокой чаше из воска и пришлю тебе с моим Протесилаем». Три часа дарованы Персефой Протесилаю. Гермес вводит его в пустынный сад, который только что еще оглашался кликами менад:

— Дверь не замкнута. Но тебе не переступить порога, если тебя не впустит Лаодамия. Стучись. Проси приюта.

Наступает самое жуткое место трагедии. Лаодамия, склоненная перед восковым изображением, оживленным ее любовью, узнает за дверями голос Протесилая, и ужас охватывает ее.

— Уйди, обманчивый призрак. Не пугай меня. Мой Протесилай со мною. Из воска я воздвигла его, в него перелила свою душу и сочетала

с душой Протесилая. Ночной, неведомый, сокройся. Из воска возлюбленный мой.

Но заклинание, раз произнесенное, имеет силу неотвратную.

— Ласки ты расточаешь моему идолу, — говорит Протесилай: — так много любви и вожделения вложено в этот воск, что не мог я и во владениях Аида не почувствовать твоих ласк.

— Не смею послушаться. Боюсь открыть двери. Темно. Холодно. Одежды чьи-то. Разбросали. Ушли нагие. Мы звали? Чаровали? Докликались, дозволялись, и он пришел.

— Из сырой земли возник я. Из области покоя и неподвижных снов пришел я к тебе в страну вечного Сгорания.

С воплем бросается Лаодамия к Протесилаю и уводит его к себе. Утром Акаст — отец Лаодамии, который хочет выдать ее замуж, видит сквозь дверь ее в объятиях ночного гостя. Отуманенным призраком выходит к нему Протесилай. Происходит диалог между жизнью и тенью, между имеющим лик и утратившим его.

— Из Аидова царства вышел я. . .

— Так ты мертвец. . . До брака взял ее и после смерти хочешь владеть ею, ненасытный.

— Неразрывными узами любви связана она со мной. Долгие ночи сгорала она, как воск.

— Противны богам и нечестивы речи твои. Лаодамия невеста Протагора. Ты же пленник Аида. Твои возвращения не нужны людям и страшны им.

— Разве неведома тебе власть отживших!

— Жизнь-то, говорят, посильнее; вот ты умер, а мы делаем, что хотим, и не спрашиваем, любо ли тебе это. Тень и останется тенью. И уже легким призраком ты стоишь, и уже с туманом слились одежды твои, и сквозь тебя мерцают очертания деревьев. Филаке нужен царь, а Лаодамии муж. Тебе-то что: никакой ныне не имеешь нужды — тебе бы только обниматься с милой на досуге, — а нам, живым, нужно думать о доме и о городе.

Протесилай исчезает, сливаясь с резкими дневными тенями. Три часа прошли. Акаст приказывает сломать и сжечь восковое изображение Протесилая. И в то время, как воск тает в огне, Лаодамия умирает. Она сама несет Персефоне глубокую восковую чашу, полную вином и медом, — себя. Хор поет:

«Слава тебе, Афродита! Над смертью торжествуешь ты, небесная, и в пламенном дыхании твоём тает земная жизнь, как воск!

Светлою завесой от Востока закрывается сцена. Завеса чистая и белая — ясная смерть».

Мертвенным классическим совершенством веет и от замысла, и от строгой простоты этой трагедии. Как послушный, гибкий воск, гнется русская речь под руками ваятеля. Это законченность священной чаши, из которой подобает производить возлияние только подземным богам. На лице самого поэта надета золотая маска.